

Я знал, что последние мгновения своей жизни проведу на больничной койке. Знал, что не смогу заботиться о себе и доверюсь людям, которые будут это делать до самого конца. И вот я лежу на этой самой кровати, incapable даже самостоятельно сходить в туалет. Я медленно умирал и ничего не мог с этим сделать. Но что грустнее, так это...

- Сыночек, не умирай пожалуйста! - рыдала моя мать. - Не умирай, пожалуйста. Подумай, что будет с твоей мамочкой, когда тебя не станет!

Это уж точно. Моя мать определенно не сможет прожить без своего дорогого сына. Просто не способна выжить. Такова уж ее суть.

Продолжить плакать над моим еле живым телом матери не дала моя медсестра, которая вошла в положенное ей время.

- Мисс, прошу вас, выйдите отсюда. Пациенту нужен покой. - говорила медработница.

- Я не могу его просто так оставить! - взревела мать. - Дайте мне в последний раз посмотреть на него, моего дорого сына!

- Хорошо, - медсестра выдохнула и тут же чуть не подавилась воздухом, так как прибор жизнеобеспечения среагировал так, как должен в случае приступа пациента. - Зовите лечащего врача, он задыхается!

Меня оперировали несколько врачей. В течение часа они бились надо мной, но я чувствовал, что осталось совсем недолго до вечного покоя. Я лежал в операционной, куда уже стали запускать скорбящих родственников. Я не мог просто так уйти отсюда и даже не сказать последних слов матери. Сказать то, что так давно хотел. Собрав все последние силы, я сделал невозможное и прокричал:

- Мама, подойди... - было так тяжело сказать всего пару слов, но я был уверен, что Бог позволит мне еще сказать невысказанное.

- Сыночек! - подбежала мать к кровати и взяла меня за истощенную руку. - Скажи матери хотя бы еще слово.

Глядя на ее лицо, меня обуревала невыносимая гамма чувств. Была скорбь, была радость и печаль. Но самым главным чувством, обуревающим все мое убогое тело, была чистая, незамутненная ненависть.

- Умри в безденежье, тварь! - были моими последними словами этому подобию на человека.

Мои глаза в один момент заволок морок, и я понял, что умер. Но если я это понял, то значит живой? Это вряд ли. Абсолютную пустоту, в которой ты находишься, нельзя назвать жизнью. У меня не было страха перед смертью, был лишь страх перед неизвестностью – никогда ее не любил. Эту нелюбовь привил мне демон, именующий себя моей матерью. Эта уродина вечно в детстве запирала меня в чулане на несколько дней после того, как я разыгрывал детей или учителей. Мне было всего 7 лет, но я никогда не забуду ту травлю, которой она подвергла тогда меня. Но я не отчаивался и чудил столько, сколько только можно было, получая заслуженное, но слишком жестокое наказание.

А спустя несколько лет я заболел неизвестной болезнью и слег с ней, лишившись нормального человеческого общения. Тогда государство стало выделять мне деньги на лечение, так как я был из бедной семьи, имея лишь мать. Денег выделяли прилично и их хватило для того, чтобы пойти на выздоровление. Но в моем выздоровлении был заинтересован лишь я, но никак не чудовище, зовущее себя родителем. Она действительно тратила деньги на лечение, но лишь их очень малую часть. Остальное – на себя и свои хотелки. Теперь эта тварь не выживет без пособий на меня и закончит свою жалкую жизнь где-нибудь на теплотрассе. Жаль, что она еще больше не опозорилась перед родственниками, для которых она создавала образ любящей матери. А ведь мне было всего 17 лет. Слишком молод, чтобы умереть.

Так, хватит хандрить так, будто я не оптимист по натуре! Ведь столько плюсов. Я никогда не увижу свою мать, и она загнется в ближайшей подворотне. Может ее даже придушат разгневанные родственники, которые решат проверить перечень расходов на меня. Я не чувствую боли, это ли не главное? Я наконец-то не чувствую боли! И я волен теперь делать все, что захочу. Правда, в мерзкой, пусть и не вонючей, клоаке делать-то собственно и нечего. Руки, ноги и тело есть, а это уже отличный повод для жизни. Стоп, руки, ноги и тело?! Я вдруг почувствовал свое тело и понял, что могу шевелить всем своим телом, будто у меня и не отнималось ничего из этого. Я решил сделать шаг, так как почувствовал опору под ногами, и сразу потянул поднятую ногу вперед. Вот только опоры я не нашел и упал. Я упал, а значит я не в мерзкой, пусть и не вонючей, клоаке. Я вдруг понял, что упал на что-то мягкое и упругое. Не растерявшись, я тут же потрогал руками это мягкое и упругое, получив удар по голове, получив впервые за долгое время ощущение боли. Неожиданно морок стал спадать с глаз, и я обнаружил себя, лежащим на весьма привлекательной женщине и держащим ее обеими руками за грудь.

– Молодой человек, – обратилась она ко мне мелодичным голосом. – Может вы прекратите меня лапать и встанете.

– Еще минутку. – я начал вновь лапать массивную грудь девушки, не оценив последствия. Никогда прежде мне не приходилось лапать женщин и готов сделать это хотя бы сейчас, так как, скорее всего, это сон. К реальности меня вернул новый удар по голове каким-то подобием измерительной рулетки, летающей в воздухе тут и там. Точно сон!

– А ну встать, живо! – вернула меня в реальность (?) красавица.

– Есть, мэм! – я резко подскочил и выровнялся.

- Так-то лучше. - сказала девушка. - Больше так не ведите себя. Вы хоть и будущий лорд, но даже он не может этого себе позволить, по крайней мере на людях.

Тут я подумал, что либо тётка с похотливым выражением лица сумасшедшая, либо я попал в гиперреалистичный сон. Какой к черту лорд? Если только лорд картонных коробок, которые моя «мать» тащила домой из Пятерочки.

- Мистер Малфой, приём! - назвала девушка фамилию персонажа из книг и помахала рукой перед моим лицом. Очевидно, я ненадолго ушел в себя. - Давайте уже продолжим, а то вон тому мальчику придется ждать очереди еще долго.

Я проследил за рукой этой сумасшедшей и понял, что сумасшедший здесь определенно я. В дверях под стоял мальчик лет одиннадцати в круглых очках и гнездом на голове, которое он, наверно, называет прической. Его образ был крайне похож на образ Избранного из книг о Гарри Поттере. Меня назвали Малфоем, а значит логично предположить, что:

- Ты же Поттер, мальчик-который-пришёл-за-мантией, верно?

Вид ошарашенного мальчика определенно стоил того, чтобы произнести это вслух. Гляди, как запаниковала эта галлюцинация, созданная моей шизой!

- Чего ты так разволновался? - спросил я Поттера. - Ты же герой! А у героев в таких случаях должна быть дежурная улыбка.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://tl.rulate.ru/book/68954/1833130>